

ОБЗОР 41-Й НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА «КОГУРЁ И БОХАЙ» В 2022 г.

М.А. Стоякин

В современных условиях при ограничении международных контактов существует необходимость в ознакомлении с актуальными работами иностранных исследователей. Это особенно важно для изучения государства Бохай, которое располагалось на территории нескольких государств в Восточной Азии. Учёные из Южной Кореи активно занимаются исследованием проблем истории и культуры Когурё и Бохая. Среди них особо значимую роль играют члены научного общества «Когурё и Бохай». Поэтому целью данного обзора является краткое представление материалов очередной 41-й научной конференции, проводившейся 9–10 декабря 2022 г. на базе Академии корееведения (г. Соннам) и под эгидой этого общества. Она была посвящена теме «Новые поиски в изучении истории Когурё, Бохая и северных территорий III». Важно отметить, что статус этих конференций изменился, расширился: теперь они относятся к «Всекорейской конференции по Когурё и Бохаю», которая проводится в третий раз. Всего было представлено 18 докладов исследователей из РК, РФ и КНР. Их можно объединить в 4 крупных тематических блока.

К первому можно отнести три доклада российских участников: Е.И. Гельман, Я.Е. Анзулис и Е.В. Асташенковой, в которых они сообщили результаты последних археологических работ на Абрикосовском селище в Приморье. Кроме того, на основе многолетних исследований было рассмотрено домохозяйство населения городища Горбатка и культура мохэского населения Западного Приморья. Данные работы в некоторой мере известны в отечественной историографии, поэтому мы сосредоточимся на докладах иностранных участников.

Второй блок был посвящён истории Когурё. На Юджон в докладе «Попытка нового подхода к изучению способа управления в Когурё» привела существующую историографию проблематики процесса изменения управления территориями при становлении централизованного

Стоякин Максим Александрович, PhD, научный сотрудник Института культурного наследия Республики Корея, Тэджон, Республика Корея.

Stoyakin Maksim Alexandrovich, PhD, Researcher at the National Research Institute of Cultural Heritage, Taejon, South Korea.

E-mail: stake-14@yandex.ru

государства в Когурё. Она считает, что впредь необходимо рассматривать этот процесс в плоскости присоединения новых территорий и населения, которое отличалось как по социальной структуре, так и по хозяйственной деятельности. Это должно было отражаться и в способах управления на данных территориях: напрямую или косвенно, через местную элиту. Докладчик надеется, что находки текстов на деревянных дощечках, известных в Пэкче и Силла, смогут помочь в раскрытии существующих проблем. В докладе «Контекст почитания трёх великих ванов Когурё в первой половине VII в. и Ён Кэсомун» Ли Гюхо представил довольно интересную интерпретацию внезапного появления в титулатуре у последних правителей Когурё титула «великий ван». Этот период характеризуется многочисленными войнами с Китаем, повлёкшими за собой значительное ослабление государства Когурё, что привело в 668 г. к его гибели. Ещё ранее Ён Кэсомун в 642 г. совершил государственный переворот, убил вана и возвёл на трон своего ставленника из ванской семьи. Докладчик считает, что для успокоения оппозиции Ён мог провозгласить последних трёх правителей «великими ванами». Это также нашло поразительную аналогию в истории «великих ванов» среди одних из первых правителей Когурё: один боролся за независимость от Хань, второй выступал за союз с другими мощными силами, а при третьем (как при Ён Кэсомуне) возвысилась определённая семья, оказывавшая влияние на руководство государства. Ким Хёджин в докладе «Внутренние тенденции в Когурё в середине — второй половине II в. и отношения с Поздней Хань» рассмотрела внешнюю политику нескольких когурёских ванов и предоставила новые подходы к изучению ранней истории Когурё. Отдельно можно отметить доклад об истории племён, соседствовавших с Когурё: Ли Чоннок в «Исследовании контекста набегов илоу на северных окрестности в III в.» на основе письменных данных представил эту форму нападений в свете произошедших изменений в обществе илоу, попытался выявить причину таких отношений. Кроме того, исследователь привёл историографию вопроса соотношения илоу из письменных источников с конкретной археологической культурой.

Третий блок докладов посвящён истории Бохая. Ан Чэсон в работе «Значение и процесс развития внешнеполитических контактов в правлении бохайского вана И-Чжэня» на письменных источниках рассмотрел политику наследника Сюань-вана, при котором Бохай стали называть «Процветающее государство к востоку от моря». Новый, 11-й ван продолжил политику усиления централизованного государства. При его правлении часто отправляются посольства в Китай, в которых, в отличие от предыдущих, активное участие принимают сыновья правителя. Растёт количество студентов, что влияет на внедрение передовой танской культуры в государственное управление государства Бохай. Расширяется торговля, определённую роль

играют и поставки товаров от подчинённых племён мохэ. В ходе двух посольств в Японию официально закрепились процедура обмена государственными документами. При этом фиксируется количество постоянных делегатов при одновременном упадке статуса мохэских сурён (старейшин). Вся эта активная внешняя политика была направлена на усиление королевской власти, создавая её опорную базу. Цзян Чэншань в «Рассмотрении значения [термина] „Старого владения“ в Бохае» выдвинул новую гипотезу об этом важном понятии в ранней истории государства Бохай. Учитывая большое влияние Когурё на ранний период Бохая, термин «Старое владение» стоит рассматривать не как указание на расположение древнего столичного места Бохая, а как название исчезнувшей страны. Запись в «Синь Таншу» о Верхней столице стоит имплицировать на весь Бохай. Соответственно, в цитате, упоминающей расстояние «...по прямой в 300 ли от Старого владения», идёт речь о территории между Когурё и Бохаем или регионе между ними, к которому относится верхний бассейн р. Муданьцзян, Хайланьхэ, район Хунчуня и пр. Ку Нанхи в докладе «Изменение повествования „Ли-небожитель, пьяный, пишет письмо, устранившее варваров“ и Бохай» рассмотрела историю о знаменитом танском поэте Ли Бо (Ли Бай). Если в ранних источниках под варварами подразумевались кидани, то в более поздних вариантах это значение закрепились за государством Бохай. Докладчик видит возможный контекст таких изменений в исторической памяти китайцев: Бохай наследовал государству Когурё, которое разгромило Суй и долго противостояло Тан.

К четвёртому и самому крупному блоку можно отнести доклады по археологии Бохая, Ляо, Цзинь, мохэ и др. Хон Хёну в «Результатах и задачах новейших исследований городищ мохэ и Бохая в Приморье (средневековье)» кратко сообщил об итогах археологических работ, проведённых российскими исследователями на городищах Старореченское, Стеглянуха-2, Екатериновка, Красное Озеро и Шуйлюфэн, и подчеркнул важность полученных результатов и необходимость скорейшего восстановления совместных российско-корейских исследований на территории Приморья. Чон Сукбэ в докладе «Памятники найфельдской культуры — 1-го этапа культуры гунжэнь хэйшуй мохэ и проблема центра Хэйшуйчжоу» привёл подробную историю изучения данной культуры в России и Китае, представил описание типичных памятников на территориях указанных стран, где были обнаружены характерные для этой культуры вазовидные сосуды. Кроме того, исследователь рассмотрел гипотезы о месторасположении центра Хэйшуйчжоу (или области Хэйшуй), созданного Тан на территории хэйшуй мохэ. Наиболее подходящим в качестве центра он видит городище Цзянань, исследованное в последнее время на правом берегу Амура.

Ли Бёнгон в «Сравнении строительных форм пагоды Лингуан в Бохае и подражающих кирпичным каменным пагод в Корее» описал

самую известную бохайскую пагоду и пять пагод подобного типа в Республике Корея, включая популярную пагоду в храме Пунхванса в Кёнджу, сравнил их по материалу, форме, конструкционным особенностям. Несмотря на то, что при их возведении использовали китайскую технологию, тем не менее строения имеют свои оригинальные черты. Чжэн Хайфэн в докладе «О воротах на Верхних столицах в Бохае, Ляо и Цзинь» представил описание всех этих археологически исследованных конструкций в самой главной столице каждого государства, классифицировал их по виду, форме, наличию захаба. Сон Соён в «Изучении внедрения и состояния закрепления статуй бохайского типа в период Ляо» на основе нескольких примеров показала, каким образом элементы буддийского искусства бохайцев, массово переселённых в районы столицы государства Ляо и привлекаемых для изготовления в том числе буддийских статуй, фиксировались уже на новой территории. Эта традиция продолжилась в средний и поздний этапы Ляо и даже проявилась в статуэтках архатов династии Юань, обнаруженных в пров. Хэбэй. Ли Чонхун в докладе «Иерархия и особенности жилищных конструкций в Бохае» на основе исследования 135 объектов из 35 памятников создал подробную типологию жилищ в Бохае и попытался распределить выделенные типы по их принадлежности к определённому классу населения. К сожалению, докладчик не разобрался в материале и включил в свой анализ типичные мохэские полужемлянки на городище Синельниково-1, что в том числе привело к не вполне верному выводу о более низком социальном статусе такого типа жилища в Бохае по сравнению с постройками, имеющими черты когурёского жилища (кан и пр. элементы).

Закрывали двухдневную сессию два доклада. В первом из них — «Предварительное изучение черепичных дисков, обнаруженных в бохайских храмах» — его автор Чхвэ Сьльги сосредоточилась на описании концевой черепицы из бохайских храмов. По историографии их насчитывается 45, но, по мнению исследователя, к храмам точно относятся лишь около 20 памятников. Они были сгруппированы по столичным регионам Средней, Верхней и Восточной столиц. В число последних включены остатки храмов на территории Приморья. Было выявлено три особенности этих находок. Во-первых, в храмах, расположенных в районах Средней и Восточной столиц, кроме типичных черепичных дисков с лotosовым орнаментом в виде «перевернутого сердца», также встречается концевая черепица, которая типологически находит большие аналогии с черепичными дисками культуры Когурё. Во-вторых, выявлены типы, характерные как для столичных городов, так и отдельные варианты, обнаруженные только на отдельных храмах. При этом многие черепичные диски из провинциальных храмовых строений обнаруживают сходство с теми, что использовались в столичных постройках. Однако более их скромный вид, упрощение

орнамента, видимо, зависел от статуса построек. В-третьих, каким бы ни был главный мотив орнамента, в средней части всегда располагалась полусферная выпуклина. Она также характерна для находок из столичных памятников, что является важным ключом к пониманию культурной преемственности в черепичном производстве в Бохае. Докладчик считает, что такой элемент орнамента был типичен не только для черепицы раннесредневековых китайских государств, но и для хунну и Когурё, однако, в свою очередь, отличался от концевых дисков других корейских государств.

Большое внимание привлёк последний доклад, который представил Чхвэ Чонбом — «Материалы для определения датировки и историческая хронология Бохая». Как известно, хронология является самой слабо разрешённой проблемой в изучении Бохая. Поэтому докладчик собрал и обобщил бохайский археологический материал для перекрёстного датирования: курганы с эпитафиями, китайский фарфор, поясную garnитуру тюрского (по автору, «танского») типа, бронзовые зеркала. К первым относятся хорошо известные погребения бохайских принцесс (780 и 792 гг.) и супруги вана (829 г.). На примере 18 фарфоровых предметов, обнаруженных на разнообразных памятниках на всей территории Бохая, включая Приморье, докладчик, используя китайские источники, определил несколько печей изготовления данной продукции. Вместе с этим на основе заметных аналогий из танских погребений, большинство которых имеют точную датировку, он предположил время появления (до четверти-половины века) каждого предмета на бохайской территории. Следующим датированным материалом могут выступать находки поясов тюрского типа, широко распространённые в этом регионе. На основе формы и типа пряжек и бляшек подготовлена хронологическая типология. Чхвэ Чонбом среди хорошо сохранившихся поясов в бохайских погребениях могильников Людиншань, Хунцзуньюйчан, Бэйда, Дунцин и др. нашёл аналогии поясам из точно датированных танских погребений. Это позволяет определить время существования некоторых бохайских курганов, как, возможно, и конкретного могильника. Кроме этого, эти находки могут привести большую ясность в раскрытие такого элемента бохайского погребального обряда, как подхоронение. Последним важным материалом для датирования могут служить бронзовые зеркала. Их количество ограничено несколькими экземплярами, тем не менее с привлечением аналогий они позволяют относительно чётко датировать дополнительно три бохайских кургана, включая погребение № 13 на могильнике Лунтоушань с его своеобразной конструкцией.

Также докладчик обратил внимание на ряд полученных радиоуглеродных датировок с памятников, изученных в ходе совместных российско-корейских археологических исследований. Интересно отметить его замечание при сравнении групп дат, что с течением

времени у мохэских сосудов из Чернятино-5 и Синельниково-1 пропадают насечки на налепном валике, а иногда и сам валик, что позволяет говорить об их изменчивости. Кроме того, на основе радиоуглеродных датировок и аналогий находок с сопредельных территорий здания № 3—4 и 7 в северном комплексе городища Кокшаровка-1 можно отнести не только к концу существования Бохая, но и к постбохайскому времени. Это может подтвердить гипотезу южнокорейского исследователя Сон Кихо о том, что здесь мог быть воздвигнут ритуальный объект, где совершалась церемония почитания бохайских ванов.

Доклад и публикация снабжены богатым иллюстративным материалом, наглядно представляющим каждый датирующий элемент. Несомненно, проведённое относительное датирование представительных предметов сможет подготовить базу для осуществления более точного датирования менее престижных вещей, но более массовых, в первую очередь керамического материала.

Рассмотренные выше 18 докладов по истории и археологии Когурё и Бохая представили высокий уровень исследования проблематики региона, показали новые направления в изучении этих культур. Часть материалов этих докладов были дополнены и опубликованы в цитируемых журналах и будут полезны не только для корейских, но и для российских исследователей государств Когурё и Бохая.